

Тризна

*Вы пали за Русь!
Вы умерли за Отчизну!
Русский народ за вас отомстит
И справит кровавую тризну.
«На сопках Манчжурии»*

Плывшие второй день со стороны Индийского океана набухшие от влаги клочковатые тучи сумрачно заглядывали в каждое окно. Сосед Виктора Шурик, тоскливо перебирающий струны гитары, лежащей у него на животе, бубнил уже в десятый раз:

— И летать уже обрыдло, а не летать еще хуже.

— Вот сейчас и полетим, — Виктор приподнялся. Из приоткрытой двери торчала голова посыльного.

— Товарищ капитан! Вылет.

— Накаркал, — быстро одеваясь, бурчал Виктор.

Четверка бортов с поисковой группой, облизывая скалы, неслась в сторону Бараки. Надо было забрать одного «двухсотого» с высокогорной заставы.

Шли очень осторожно, видимость была не более трехсот метров. По лобовому стеклу вертолета ползла плотная лужа, дворники не успевали справляться. На подходе к цели видимость заметно улучшилась.

Точка находилась на высоте три с половиной тысячи метров. Площадка была настолько мала, что посадить ювелирно можно было только один борт, что и сделал Колька-ас, прилипнув к скале сразу тремя стойками шасси. Остальные борта терпеливо ожидали, встав в круг. «Двадцатьчетверки» зорко простреливали местность, создавая надежную защиту.

Навстречу спрыгнувшему с вертолета Виктору бежало какое-то лохматое, грязное чудо в офицерской без погон шинели, волочащейся по земле.

— Ты кто? — оторопел Виктор. — Кого забирать?

— Вы его в Кабул или на «Чайку»? — вопросом на вопрос ответило подбежавшее чудо.

— По такой погоде только на «Чайку», на Кабул — ночью.

— Тогда погоди еще минут десять, сейчас закончу операцию. Я здесь вроде как медсестра, — чудо, наконец, представилось.

Кто она такая и как сюда попала, было совершенно непонятно, но на войне удивляться не приходится. Потрясало не то, что она вообще оказалась на этой забытой всеми точке, а то, как медсестра делала операцию.

Парню с заставы, насчитывающей всего семь человек бойцов с лейтенантом и этой девчонкой, во время ночного боя пуля попала в живот, разорвав желудок. И эта самоотверженная медсестра зашила его, имея в руках ритуальный «духовский» кинжал, анашу, совершенно неизвестно откуда

попавшие сюда две бутылки минеральной воды, иголку с нитками и фляжку со спиртом. Спирт с анашой заменяли наркоз.

Завершив операцию и перебинтовав раненого застиранными бинтами, медсестра дала команду, и солдата на грубо сколоченных досках аккуратно перенесли на «восьмерку».

Со всех бортов на площадку сбросили весь имевшийся запас продуктов, медикаментов и боеприпасов. Это все, что могли сделать в тот момент вертолетчики для бойцов заброшенной в горах маленькой заставы.

Ночью того парня переправить на Кабул не удалось. Из-за плохой погоды ни один борт ни из Кабула, ни со «Скобы» взлететь не смог. Несмотря на то, что анестезиолог «Чайки» Игорь насколько мог очистил рану, состояние раненого ухудшалось.

На рассвете развиднелось, и четверка «Скобы» унеслась с ним в Кабул. Все тридцать пять минут полетного времени вертолеты качались, как маятники, на высоте пятидесяти метров, чтобы не попасть под пулеметный обстрел «духов».

Но ворвавшись в Кабул с юга, при выходе из ущелья левым разворотом, пилоты не успели ускользнуть от очередной «духовской» уловки-капкана, и ведущая «восьмерка» со всего маху треснулась мордой об огромный воздушный змий.

Невинная, на первый взгляд, ребячья забава, на самом деле являлась новым тщательно спланированным бандитами приемом борьбы с нашими воздушными средствами. Ребятишки, совмещая детское развлечение с ощутимой финансовой выгодой, конструировали этих летающих паразитов и терпеливо ждали на крышах своих дувалов зеркального солнечного луча от наблюдателя. Тот, находясь в таком месте, чтобы слышать издали звук подходящих бортов, в нужный момент зеркалом давал команду ребятишкам на подъем змия.

Вертолеты, выскакивающие из ущелья в город, не сразу могли выбрать нужный курс полета, а так как путь до госпиталя над Кабулом около семи минут, то нужно было обладать незаурядным летным мастерством, чтобы своевременно уходить от внезапно взлетающих многометровых чудовищ. На руку «духам» была и устойчивая роза ветров.

И хотя воздушные змеи серьезной опасности не представляли, все-таки нервы выматывали изрядно. Приходилось постоянно менять курс и высоту полета. Сегодняшнее разбитое лобовое стекло советского вертолета дало возможность неизвестному мальчишке положить в карман тысячу афганий — существенные деньги при их нищете.

После выгрузки раненого на госпитальной аэродромной площадке днем отоспались, а вечером провернули удачную сделку с начальником продсклада — жуликоватым прапорщиком-азербайджанцем. Душой войдя в тяжелое положение далекого гарнизона, снабженец выдал все — яйца, сгущенку, колбасу — оптом, правда, с одним условием: десять процентов продуктов остались ему в знак благодарности:

— Дарагой, сам панимаишь, кушать все хатят, да?! — пожав на прощанье липкой ладонью руку Виктора, лебезил он.

В наушниках пилота прозвучала команда:

— Борт 1564, вылет разрешаю!

Вырулившая на взлетную площадку пара «Скобы» замерла в очереди. За спиной согревали душу полтонны продуктов. Сердца томило сладкое предвкушение благодарности однополчан. Наблюдая за разбегом АН-12, после которого предстояло взлетать экипажу «Скобы», бортовой народ позволил себе наспех перекусить забытыми на вкус деликатесами.

Вдруг в кабине стало светло, как днем, от яркой вспышки посредине летного поля, а через секунду пахнуло жаром и докатился звук оглушительной взрыва. Взлетающий АН-12, едва оторвавшись от земли, разорвался в воздухе и, перевернувшись на спину, пропахал около трехсот метров, полыхая, как факел, и разлетаясь на десятки кусков. Потом замер на последней своей стоянке, прихватив на тот свет экипаж с семьюдесятью шестью пассажирами.

Со всех концов полосы к самолету кинулись люди для спасения живых. Но живых не было. Самолет за несколько минут сгорел дотла, оставив воронку прожженной земли глубиной в пять метров.

— А ведь это могла быть очередность нашего вылета, — угрюмо произнес борттехник.

Причину гибели того борта следствию установить так и не удалось. Как и во многих подобных случаях. Их списала война.

На «Скобе» сегодня намечался праздник, запланированный еще несколько дней назад. Получка — всегда маленькое торжество, хоть на войне, хоть в мирной жизни. В это время все становятся добрее дружелюбнее. В голове зреют планы, в зависимости от ожидаемой суммы и личных запросов. Но столь долгожданный праздник сорвался, впрочем, не в первый раз. Самое уважаемое в этот день лицо части — начфин валялся в своей комнате, не дотянул до кровати двух метров, нос к носу с преданной дворнягой. У пьяницы-финансиста в такие дни было единственное любимое место — угол комнаты у собачьей кормушки.

Этот парень был сослан на войну за беспробудное пьянство во время службы в Уральском военном округе. Надежда жены излечить его войной как последней инстанцией не оправдалась. Мужик умнее не стал. Это была не редкая горькая быль войны.

Во втором часу ночи Виктора из общей команды, где проходили «черные поминки», властно поманила природа. В кромешном мраке не виделось ни единой звездочки, кроме угрожающего серпа луны, мерцающего светом чужой веры. Спотыкаясь и бормоча он через несколько неуклюжих шагов уткнулся своим лбом в плечо сотрапезника по мрачной тризне. Вова Третисов, «нелетающий» пилот, который, в свою очередь, уперся лбом в какой-то столб, образуя собой живой контрфорс, что есть сил, справлял естественную малую надобность и мучительно цедил сквозь зубы:

— С-с-стри...с-стриляй! Вон они, гады! Всех и-их пир-р-ри-и-стриляй!ии!!!

Виктор только удовлетворительно мычал, чувствуя плечо однополчанина и слыша это:

— С-с-стриляй-и-и!

С последними звуками малой «боевой операции», вероятно, иссякли последние Вовкины силы и он вполне закономерно приземлился, соскочив с опоры и шмякнувшись носом в песок. Виктор чудом устоял на ногах, хотя здорово треснулся лбом о надежную конструкцию местной линии электропередачи. Это его слегка отрезвило.

— Ну пошли, бедолага, пошли, — наивно предложил Третисову «трезвый» Виктор.

Однако из доброго совета, конечно, ничего не вышло. Тогда он взвалил товарища на плечо и бережно поволок к его обиталищу. Носки ботинок утомленного однополчанина волоклись по песку, прочерчивая две строго параллельные линии...

Вовкина жена, больная тяжелейшим нервным расстройством, вместе с ребенком уже несколько лет лежала в закрытом НИИ. Владимир был им единственной жизненной опорой, больше — ни родни, ни свойственников. И тут его по издевке судьбы отправили на войну одним росчерком пера. Начальник кадрового отдела дивизии прекрасно знал, что этого делать нельзя ни по каким человеческим законам. Но факт тяжелейшей семейной ситуации не был убедительным для верхов.

На «Скобе» о ситуации Третисова отцы-командиры знали и в боевые вылеты не пускали ни под каким видом. С первого дня его прибытия на базу они насколько могли берегли Вовку ради больной семьи, беззащитной перед жестокой судьбой. Мужик страшно переживал свое исключительное положение. Для поддержания боевого духа и летных навыков ему иногда поручали дежурные облеты вокруг аэродрома в относительно безопасной зоне. Все на базе относились к нему как к большому ребенку, который требует защиты и понимания. И сегодня он напился, заливая спиртом свою и общую для ребят кручину. Вся эскадрилья перепилась от братского горя. В солидарность с Батиной «Чайкой».

Тризна была в среду, а в минувшее Воскресенье трое Батиных подчиненных на «бэтэре» должны были проскочить до вертолетчиков и обратно для решения штатных вопросов. Такое задание было обычным и частым, не грозило нештатными ситуациями в спокойной двадцатикилометровой зоне.

— Утром выскочим, пару-тройку часов побудем на «Скобе» и к пятнадцати-ноль-ноль домой, — планировали мужики.

Батя назначил командиром группы двадцатипятилетнего капитана Сергея, с ним отправил сержанта и рядового водителя-пулеметчика. Троица русских спозаранку после батиного «добро» густо запылила в сторону «Скобы» по заезженной грунтовке.

Сергей, сидя у носового пулемета машины, цепко следил по всей «зеленке», крутя головой на триста шестьдесят градусов. Девятнадцатилетний пулеметчик в любую секунду был готов к команде от капитана, чтобы наступить обеими ногами на гашетку. Выгоревшие холмы предгорья, звенящее солнце и рев движков были их повседневной здорово поднадоевшей обстановкой.

На полпути после форсирования большого арыка на довольно крутом подъеме двигатель внезапно заглох. Машина по инерции дернулась было вперед, но с утратой поступательной мощи принялась медленно съезжать по склону и тут же была зажата тормозами. Выглянувший на свет чумазый Толька честно высказал двигателю все, что он о нем думал. Хитроумная железка думала, видимо, что-то о своем металлическом и пренебрежительно молчала в ответ.

— Во вляпались! Ну не ближе, не дальше... Сергей приказал сержанту подняться на холм для прикрытия на время ремонта движка, а сам с водителем загремел капотом и ключами. Минут через двадцать стало ясно, что это надолго.

— Часа три проторчим, — натужно ругаясь, бурчал из под машины, как из колодца, водитель. — Ведь не хотел же на этом рыдване ехать. Битый он весь перебитый. Одних подрывов на нем за полгода штук десять.

— Ладно, не кисни, есть еще время, — одернул водителя Сергей.

Он прикидывал по карте, стоя на башне машины, куда быстрее добраться своим ходом, если через два часа машина не будет восстановлена. На «Скобу» вроде бы чуть ближе, но опаснее: придется идти через густую «зеленку». К себе на «Чайку» спокойнее, но дальше: дорога холмами вверх-вниз...

При этом он пытался рассмотреть сержанта на вершине, которому через каждые десять минут было приказано давать знать о себе ударом запасного магазина по стволу, мол — все в порядке. Сержанта не было видно.

— Может на время не посмотрел? А может за грохотом нашего железа я не расслышал сигнала? — старался мысленно успокоить себя и за одно оправдать подчиненного Сергей. Но в сердце уже прокралась тревога...

— Слушай, я проверю, что с Петром. Ты вылезай и прикрой, бросил капитан.

Водитель с лицом цвета внутренностей выхлопной трубы молча развернул пулемет по направлению к вершине холма.

Петра капитан увидел сразу. Сержант сидел в странной позе спиной к нему, низко наклонившись вперед и чуть раскачиваясь. Позвав вполголоса сержанта, капитан уловил характерный шорох камней и тут же понял:

— Засада!

В этот момент Петр вяло повалился на спину. Из обоих глаз торчали рукоятки специальных ритуальных кинжалов, горло было стянуто тонкой петлей, уши отрезаны, лицо неимоверно вздулось.

Сергей мгновенно рухнул на землю и зазмеился за ближайший валун. Но было поздно. Трое «духов» облепили его со спины и мгновенно растянули. Двое в разные стороны руки, а один обхватил обе ноги, насмерть прижав их к себе. Тут же выросший, как из-под земли, четвертый душман всем весом сиганул ему обеими пятками на позвоночник. От режущей боли молнией полыхнуло в глазах и нутре. С потерей сознания мгновенно наступила глухая ночь.

Всего же бородатых было около десяти человек. Полуголого капитана со скрученными намертво руками и ногами, на которых от напряжения вены вздулись до черноты, «духи» попарно и часто сменяя друг друга волоком тащили по каменистой тропе к своему логову. Примерно через сорок минут его с разодранной кожей, черной от крови, перемешанной с землей, пылью, песком, доволокли до дувала, затащили во двор и пинками свалили в прохладный трехметровой глубины погреб под навесом.

От озноба капитан вскоре очнулся и мучительно застонал. Всем напряжением сил претерпевая адскую боль, он попытался определить свое местонахождение. Извиваясь ящерицей, насколько позволяли путы, он прощупывал саднящим лицом окружающее пространство. Натолкнулся на что-то мягкое. Повозив лбом и щекой по найденному предмету, Сергей понял: чей-то труп. Изогнувшись кольцом, он перебросил тело в сторону. Таким образом нащупал еще один труп. Лизнув языком находку, он по свежей крови определил, что погибшие были прикончены недавно. До мучительной рези в глазах всматриваясь в сумрак погреба, он разглядел, что на убитых остались только трусы, животы вспороты и пусты, головы сильно сплющены.

— Это ведь мои бойцы!

Мучительная боль пронзила его сердце. Лишь оно в его еще сегодня утром молодом и здоровом теле, сейчас превращенном в сплошную кровоточащую язву, не было изранено. А теперь и оно нестерпимо болело от нравственной муки. Это ведь он — старший в группе, командир — и есть главный виновник их гибели. И только другая, странная для живого человека мысль утешила его.

— Я буду с ними. Я буду третий.

Батя четвертый час метался по классу боевой подготовки вокруг карты местности. Он понял, что произошла непоправимая ошибка. Никак нельзя было посылать латанный «бэтээр» в одиночку. И виноват в этом только он один. Бачата видели, что Батя вот-вот укусит собственный локоть от ярости на самого себя. Доверился недавним оперативным донесениям ХАДовцев: в районе все спокойно, а они же сами сегодня донесли, что есть подозрительное скопление людей как раз в нескольких километрах от трассы «Чайка»-«Скоба». Было от чего кусать локти. Контрольная связь со «Скобой» выявила, что посланный экипаж не прибыл к месту назначения ни в срок, ни через час. Подобные ошибки на войне случаются даже с самыми лучшими, самыми дисциплинированными командирами, которые готовы сами умереть

за любого своего бойца. Бдительность иногда тоже хочет спать. Такова правда жизни.

Усиленная группа разведки, высланная по маршруту следования, нашла на полпути брошенный «бэтээр», по которому было ясно: произошла поломка и его пытались отремонтировать. Следы крови и борьбы: рядом с «бэтээр» и на вершине холма.

Батя вместе с подчиненными, анализируя скудные подробности случившегося, в единой душевной тревоге исползал по карте квадраты бумажной «зеленки» вдоль и поперек. Наконец общий план действий определился. Направление поиска предполагаемой бандитской базы передал местный лазутчик из ХАДа. В два часа по полудню операция поиска пропавших бойцов началась.

Капитану в его подземелье слышались грегочащие голоса, гортанные звуки. Крышка погреба открылась, и в створ свесилась косматая голова, которая что-то гыркала на своем наречии и сочилась довольствием. В яму сунули лестницу и по ней спустились трое рослых бандитов в чалмах. Они гогоча с помощью веревок поднимали тела сержанта и солдата. Затем один из них разрезал путы на ногах Сергея. Пинками и криками со всех сторон они явно требовали от капитана, чтобы он поднялся с земляного пола самостоятельно. Но затекшие ноги от потоках хлынувшей в сосуды крови поначалу даже не шевелились, а только гудели жаром и наливались новой болью. «Духи» опять-таки пинками в течение нескольких минут разработали занемевшие мышцы пленника.

Все это время они ржали, явно предвкушая только им ведомое удовольствие, которым они рассчитывали удивить свою живую добычу. Это ржание поддерживали и постоянно заглядывающие в зев ямы улюлюкающие головы. Сергей по очереди подтянул под себя колени и потом, опираясь о лестницу то лбом, то подбородком, медленно начал подниматься с колен. Не желая показывать излишнюю слабость врагу, он так же медленно и упорно стал перебираться со ступени на ступень. Но веселящимся зрителям видимо наскучило представление, так как теперь они видели не слабость побежденного, но несгибаемое мужество русского воина. Они по деловому стали подталкивать капитана снизу, а кто-то ухватился обеими руками за его подбородок, затылок и так прямо за голову рывком вытянул Сергея из подземелья.

Его поставили на ноги и разрезали путы на руках. В глазах плыли огненные круги и нещадным пламенем горела спина. Видимо треснул позвонок, когда в момент захвата ему сиганул обеими ногами на поясницу здоровенный лохматый «дух». Подталкиваемый в спину Сергей сделал несколько мучительных шагов из-под навеса и оказался посреди весьма просторного двора или даже площади бандитской базы. Очертания этого залитого солнцем пространства постепенно проникали в его сознание. Говорить и даже пошевелить языком он не мог: язык был перекушен, когда его

выдернули за голову из подземелья. Горячая кровь наполнила рот и обильно текла по губам, подбородку, груди.

Прямо перед ним в нескольких шагах находилась большая яма, видимо, не такая глубокая, как недавнее подземелье. Об этом можно было судить по длинному примерно трехметровому шесту, который иногда опускал туда один из «духов». Он шурудил там шестом и что-то пытался выловить на верх. Шест погружался только на две трети от своей длины. У самого ее края лежали изуродованные до неузнаваемости трупы Петра и Анатолия.

Ножами «духи» отрезали или отрубали у них части рук, брюшины и эти куски на шесте опускали в яму. И там начиналась какая-то возня с диким писком и высоким гортанным рыком, чем-то напомиавшим визгливую речь веселившихся «духов». Стоявшие вокруг от души развлекались, но когда один из шутников попытался играя подтолкнуть в яму другого, то получил злобную оплеуху, раскровенившую ему морду. И все на мгновение стали серьезным и злобно закричали на «шутника».

— Кому же они кидают человечину? Людоеды там что ли? — без доли эмоций пытался думать Сергей. И тут по шесту метнулась из ямы черно-бурая мохнатая масса с голым хвостом. Зверюгу величиной с толстенную кошку тут же стряхнули обратно в яму.

— Крысятник! — от омерзения и ужаса помертвел Сергей. Он представлял в вялых измученных всеобщей болью мыслях любые пытки, думал, что будут его полосовать ножами, жарить на солнце. Но такую смерть — быть сожранным заживо крысами, которую, видимо уготовили для него озверевшие «весельчаки», он представить не мог, хотя когда-то слышал, что будто бы на Востоке существовал изощренный вид казни с помощью громадных арычных крыс, специально прикормленных на человечину.

Он не пошевелился, не сказал ни слова. Просто не мог. И на лице, точнее на том месиве, которое осталось от него, никакая эмоция не могла быть выражена. Но его чувства выдали глаза, расширившиеся от мерзящего ужаса. Изуверы, чутко улавливающие подобные специфические нюансы человеческой психики, просто взвыли от радости и счастья. Банда «духов» наслаждалась этим мертвенным ужасом вместе с сонмом настоящих духов злобы, которые из своего потустороннего мира упивались эффектной картиной кровавого пиршества, сдобренного настоящим мертвенным ужасом живого мужественного человека.

Вот мистика их пропитания в вечной кровавой кухне войн, убийств, злодейств, предательства и почти бесконечной, бескрайней злобы!

— Где Ты, Бог, если Ты позволяешь нам вершить такое?! Вот в чем был смысл этого гортанного радостного крика духов и «духов». Почти вся чалмоносная гуща тел, создавшая большое кольцо вокруг крысиной ямы и Сергея, в раскачку закружила в удивительном хороводе, превратившись на мгновение в единое целое, в единое извивающееся змеиное тело, жаждущее духовного уничтожения русского воина Сергея.

Вдруг пляска разом оборвалась. В гробовой тишине, которую нарушало только приглушенное попискивание из ямы, двигаясь по-восточному вкрадчиво, медленно, мерцая глазами сквозь напрочь заросшее густым черным волосом лицо, к Сергею подходил толстый «дух».

Стоявший уже не здесь, находившийся вне земного, воин вечным взором смотрел прямо в глаза изувера, влипшие в его лик. Через минуту такой дуэли взоров бандит что-то отрыгнул голосом. К Сергию юлой подскочил, можно сказать, интеллигентного типа «духовский» единоведец, но по роду-племени явно отличавшийся от остальной братии. Внятно и опять-таки по-восточному вкрадчиво, но совершенно без акцента по-русски тип произнес:

— Жи-ы-и-ить хочешь?... Вижу... Очень хочешь! Дочь есть? Сын? Мама-папа есть? Есть. А жена-красавица ждет? Очень ждет!!! Да-а-а-а?

Некогда славянское лицо вопрошателя существовало какой-то двойной жизнью. Оно еще физиологически жило в прежнем бытии, произнося русские слова, а душевно уже полностью переродилось на чужеземный лад. Это невольное внимание капитана к игре его лица мусульманский неофит-соблазнитель истолковал, как пробудившийся интерес русского воина к спасительной зацепке выживания любой ценой. Столь же по-азиатски сладко он продолжил:

— Шанс тебе начальник дает. Домой отпустить хочет. Нужен пустяк... Столкни своих в яму...

Жирный «дух» в странном беспокойстве притянулся к лицу русского. Сергей вновь отсутствовал. Русский был вне беды. Вне здешних событий. Переводчик в ожидании на мгновение заерзал:

— Ну, толкни ногой. — его голос уже терял сладость и прибрел едкие нотки.

— Они ведь трупы, — доходчиво пояснял он, — они уже подошли. Толкнешь и жену потом увидишь. А хочешь, с нами будешь... Уважаемым у нас будешь.

«Дух» нависал справа, а «душок»-интеллигент слева. Напрягая волю Сергей сделал шаг к яме, к своим товарищам. Еще один. Спутники несколько воспряли, хотя по лицу Сергия ничего понять не могли. Он сделал еще шаг и закачался. Они его как то даже услужливо поддержали, мягко подталкивая вперед, приглашая сделать еще один, последний шаг. Капитан не двигался. Этих двоих, да и всю толпу вновь начинала разбирать злость.

— Ну?! Русский?!

От согласного кивка его головы «духовскую» кучу качнуло. Гортанное:

— Ха-а-и-и!... — взорвало воздух и вновь повисла звенящая тишина, чуть подмешанная крысиным писком.

Толпа в особой духовной жажде сузилась к русскому капитану и мученическим телам его подчиненных. Крысы клубились в яме в два-три слоя, деловито переползая друг по дружке или суча лапами по глиняным стенам их вместилища. В следующую секунду толпа онемела. С криком:

— Ма-а-ма! Мам-ка-а! — Сергей воздел на уровне плеч руки и... все. Толпа отпрянула.

На краю громадного крысятника лежали два изуродованных тела русских солдат, но там не было ни капитана, ни интеллигента, ни заросшего щетиной «духа». Из ямы взвился хриплый рев нечеловеческой боли, хрыканье сотен челюстей и почти младенческий визг этих странных животных, и еще треск пожираемой плоти и мелких костей. Все еще не верящие в случившееся нелюди вперились в дымящееся живой кровью дно, в окно преисподней, где куча четырехлапых черных гадин жадно вгрызалась в человеческую плоть. Упоенные кровью животные стали бросаться друг на друга, и злейший мстил смертью слабейшему. Над ямой повисло тошнотворно-сладкое марево смерти.

Через несколько минут пиршество кончилось. Два дочиста обглоданных скелета, трупы десятков крыс и почти нетронутое тело русского капитана, который, видимо, умер от перелома позвоночника и болевого шока.

На «Чайке» в бой рвались все как один. Из госпиталя выползли даже лежачие. Но только восемь «бэтээров» с лучшими из лучших, со злейшими из презлых, взревев двигателями, колонной ушли с конкретной задачей каждому. Две с лишком сотни оставшихся на «Чайке» бойцов, рвавшихся идти с освободительной ратью, приказами и руганью командиры загнали за КПП на территорию гарнизона.

На выявленную базу душманов выходили с пяти сторон в зловещей тишине. «Бэтээры» заглушили в ложбине за несколько километров. Зависшее на закате солнце не торопилось избежать созерцания торжества справедливости. И даже обнаружившая десантников за сотню метров до базы «духовская» засада уже ничего как щит не решала. Банду рвали на куски голыми руками и вырезали ножами без единого выстрела. С сомкнутыми губами, со стиснутыми, зубами, с гортанным сипом на выдохе:

— Хак!..Хак!..

Шакалов-нелюдей рубили прикладами, рожками автоматов, саперными лопатками. Их втапывали в землю, крушили им ребра и черепа. Вскоре к базе подошли и затаившиеся «бэтээры». Через полчаса все группы сомкнулись на главной площадке «духовской» базы, в центре которой располагался крысятник. У русских легко ранены были двое. Тушами дохлых «духов» была завалена вся площадь. Несколько избитых служителей восточного ритуала жались вплотную друг к другу подле сатанинской ямы. Их крупно лихорадило. На них вроде бы не обращали внимания. Видели только тела двух наших ребят на краю ямы и лежащее навзничь тело капитана вокруг которого сонно клубились жирные туши черных арычных крыс, каждая величиной с персидского кота.

Автоматчики выпустили несколько магазинов по животным-людоедам. В яму опустили несколько досок и лестницу из погреба. Нашедшиеся сами собой добровольцы обмотали руки тряпьем, руки и ноги густо облили соляжкой, чтобы отпугнуть оставшихся после расстрела живых крыс,

обвязались веревками и без опаски, без брезгливости спустились на дно ямы. Они бережно извлекли изуродованное тело русского воина Сергия.

Лестницу и доски убрали. И только после этого как бы невзначай «заметили» кучку испуганных бандитов.

— Кто организатор?! Зверье! Кто рвал на куски моих ребят?!

«Духи», впившись стеклянными от ужаса глазами в Батю, лязгали зубами. Десантника самого трясло, но он изо всех сил сдерживал предательскую дрожь: перед его взором были истерзанные тела рядового, сержанта и капитана.

— Кто выдаст зачинщика оргии, обещаю живым сдать в ХАД.

Слова звенели в вечернем воздухе дамасской сталью. «Духам» перевели.

— Времени у вас одна минута. На шестьдесят первой секунде при невыполнении приказа всех сожгу в крысятнике.

Опять заговорил переводчик. Батя взглянул на часы. Через десять секунд «духи» вытолкнули из своей среды двоих неистово забесновавшихся и орущих собратьев.

Оба повалились на землю и с истинно восточной церемонностью, извиваясь, поползли к ногам русского командира. Они визжали, тыкали друг в друга пальцами, указывая, кто же виновнее. Не доползли. Сгорели заживо расстрелянные из ракетницы.

Оставшихся четырех «духов» обмотали тряпьем и обвязали дохлыми крысами. Четыре кулька привязали к машинам и медленно отволокли в ближайшее подразделение ХАДа. Доставили живыми. Батя слово сдержал.

Гарнизон был мертв от горя. Триста человек плакали не шевелясь, не разжимая зубов. На трех плащ-палатках несли русских мучеников.

Три русские мамы разрешились с бедой каждая по силе своей душевной стойкости.

37-летняя мать, сросшаяся во едино с могильным крестом мученика Анатолия, не дала себя увести на поминки. Утром на кладбище у односельчан захолонули от ужаса сердца: они увидели восьмидесятилетнюю совершенно седую старуху с навсегда потухшим взором.

Сержантская мать на девятый поминальный Петров день, с вечера помыв своих младших деток, уложила их спать. Когда чада уснули, тихо прикрыла за собой дверь дома. В обед следующего дня соседи обнаружили ее повесившейся в хлеву и бережно извлекли из петли.

Мать офицера Сергия — Валентина Ивановна, русская учительница из зауральской деревеньки на сороковой день после похорон раздала свое небогатое добро, поклонилась кресту сына-страстотерпца, затем склонилась молча в ноги всем собравшимся за околицей скулящим бабам, детишкам и нервно курящим мужикам, попросила у всех прощения и ушла в монастырь. Видно, услышала она своим сердце предсмертный и победный зов Сергия:

«Мама! Мамка!» — и последовала этому зову...

Мать воина Сергия, бывшая в миру Валентиной, помолись Богу за нас грешных и прости, если сможешь...